

УДК 329.78 (470)

АПОЛОСОВ ДЕНИС ИВАНОВИЧ

РАДИКАЛИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются разные подходы к пониманию радикализации. Предпринимается попытка дать определение этого явления. Раскрывается деструктивный и конструктивный потенциал радикализации, описываются ее субъекты и формы, а также взаимосвязь и взаимоотношение с радикализмом.

Ключевые слова: радикализация; качественное изменение; социально-политическое противоречие; стадии радикализации; субъекты радикализации; формы радикализации.

APOLOSOV D. I.

RADICALISATION AS SOCIO-POLITICAL PHENOMENON

ABSTRACT

The article discusses different approaches to understanding radicalization. An attempt is made to define this phenomenon. The destructive and constructive potential of radicalization is revealed, its subjects and forms are described, as well as the correlation and relationship with radicalism.

Keywords: radicalization; change of the quality; socio-political conflict; stages of radicalization; subjects of radicalization; forms of radicalization.

Развитие информационных технологий обусловило появление новых инструментов борьбы за доминирование на международной арене, что в совокупности с многообразием подходов к определению основных угроз государственной безопасности, затрудняет создание единой методологии, которая смогла бы обеспечить, как практическое, так и теоретическое осмысление актуальных процессов и явлений, затрагивающих политическую сферу современного общества.

Особое внимание в последних политологических исследованиях, посвященным радикализму и радикализации, уделяется практическим проблемам, связанным с исламским радикализмом, радикализацией молодежи или радикальными партиями. В нашей статье мы предлагаем комплексный подход, в рамках которого радикализация будет рассматриваться, в первую очередь, как социально-политическое явление.

В исследованиях некоторых исследователей зарубежных и отечественных авторов, при рассмотрении вопросов, связанных с радикализацией, особое внимание уделяется «крайности». Предлагаемая категория используется для описания решительности и бескомпромиссности как поведенческих аспектов политического деятеля,

так политического курса партий или организаций. Таким образом, в рамках политических отношений под радикализацией понимают «процесс обострения политических взглядов и поведения, характеризующиеся бескомпромиссностью» [8, с.9], а радикализм определяют как «крайнюю позицию, не терпящую компромиссов» [1, с.59]. Также радикализм объясняется некоторыми политологами, как «развитие у человека чувства чрезвычайной обеспокоенности актуальными проблемами доводимое до абсурда и трансформирующееся в подсознательное желание действовать согласно сформированной установке» [9, с.61]. Тем не менее, несмотря на кажущуюся однозначность предлагаемых взглядов, следует отметить, что основным недостатком данного подхода является сложность в описании и конкретизации самого понятия «крайности», которое, как пишет Е.Ю. Воронина «всегда зависит от конкретной системы отчета – господствующей идеологии в обществе» [1, с.59].

Альтернативный взгляд на радикализацию формируется в рамках *этимологического* подхода, сторонники которого, в первую очередь, обращаются к истокам происхождения понятия «радикализм». Так, «радикализм» восходит к латинскому «radix» означая корень и позднелатинскому

«radicalis» – коренной, корневой. Таким образом, мы считаем необходимым обратить внимание на тот факт, что первоначально термин использовался для описания и определения неотъемлемой составляющей объекта, то есть коренной – сущностной его основы. Такое исходное значение по отношению к понятию, сохранилось в химии, где под «свободным радикалом» понимают вид молекулы или атома, способных к независимому существованию¹.

Именно поэтому некоторые исследователи радикализма и радикализации стремятся адаптировать идею *коренности* и предлагают первичное, этимологически корректное, значение термина «радикализм» для описания *характера изменений объекта* [4, с.49]. Петр I за время своего правления смог изменить российское государство до неузнаваемости, говоря современной терминологией провести модернизацию отсталых отраслей экономики, что было невозможно без коренных изменений бытового уклада.

Отдельного внимания заслуживает описание частных случаев радикализации. Так, например, в Королевском институте Элькано (испанский институт стратегических исследований в области обеспечения национальных интересов на международной арене) при изучении деятельности исламистских и джихадистских группировок на территории Испании акцент делается на способах, методах и средствах радикализации населения – то есть речь идет о подготовке и вербовке испанцев для участия в террористической деятельности. Таким образом, под радикализация также принято понимать «процесс, в ходе которого, человек в большей или в меньшей степени, обучается такой линии поведения и получает такие знания, которые, с практической и моральной точек зрения, объясняют правильность применения террористических мер со стороны салафитских джихадистов» [7].

Сотрудники Вашингтонского университета, при изучении радикализации предлагают более широкое определение и понимают это явление как «процесс, одной из основных целей которого является принятие и следование идее изменения общества» [10, с.8] или «... процесс, посредством

которого люди приходят к радикальным взглядам...» [6, с.12]. При этом авторы данного исследования также допускают, что радикализация является и методом достижения цели.

Основываясь на существующих подходах, мы считаем необходимым операционализировать понятие «радикализации» для дальнейшего описания содержания и форм явления, и предлагаем следующее определение: **Радикализация – это совокупность методов, способов и средств, направленных на коренное изменение мировоззренческих основ, формирование альтернативной системы ценностей путем разрыва с существующей традицией, а также качественное преобразование основных общественных институтов и/или политической системы в целом.**

Изучение *процесса* радикализации, в ходе которого субъекты используют такие методы, способы и средства, которые способствуют качественному изменению объектов, сопряжено с рядом трудностей. Во-первых, в том случае, если процессы радикализации затрагивают социально-политический уровень, становится сложнее отследить, когда такие категории, как мировоззрение, традиции, ценности подвергаются воздействию и заменяются на иностранные. Во-вторых, особого внимания заслуживает вопрос самостоятельности процесса: может ли радикализация инициировать сама себя или наличие субъекта является неотъемлемым условием начала процесса. Для того, чтобы найти решение выделенным проблемам мы считаем необходимым обратиться к такому явлению, как **конфликтогенность**.

Следует отметить, что многочисленные исследования расходятся во мнении в отношении определения деструктивных и конструктивных свойств конфликтогенности, однако в качестве одного из основных аспектов этого явления, наряду с *напряженностью*, выделяют также и *противоречие*. Так, например, Ю.Г. Грязнова предлагает понимать под конфликтогенностью «процесс нарастания противоречий во взглядах, интересах и ценностях под влиянием эндогенных и экзогенных факторов, приводящий к столкновению сторон и обостряющий способы взаимодействия между ними» [2, с.45]. Мы считаем, что противоречие является «краеугольным камнем» радикализации. Именно анализ сложившегося на социально-

¹ Словари и энциклопедии на Академике dic.academic.ru (дата обращения 13.09.2018)

политическом уровне противоречия позволяет нам выявить и проанализировать ретроспективу процессов радикализации, ее актуальное состояние, а также перспективы. Кроме того, мы получаем возможность выделить стадии радикализации.

Сложившиеся на разных этапах радикализации противоречия мы принимаем в качестве точки отсчета, то есть, на основании полученных в результате анализа выводов, пытаемся планировать и прогнозировать нарастание или наоборот спад напряженности. Несмотря на то, что прогнозирование и планирование хода радикализации: ее конструктивного и деструктивного потенциала, также, как и интерпретация ее результатов: трансформации противоречия в конфликт или протоконфликт (его разрешение) соответственно [3, с.67], является субъективным и зависит от идеологических установок субъекта – детальный анализ результатов определит выбор методов, подходов, способов и средств для дальнейшего развития процессов радикализации или их применения в схожей ситуации.

В качестве примера мы предлагаем обратиться к сравнению двух исторических параллелей, а именно разделение Германии на ФРГ и ГДР и Кореи на Северную и Южную. В обеих странах единый народ был вынужден разделиться по причине напряженного противостояния СССР и США. Однако в дальнейшем процессы радикализации внутри каждого государства, несмотря на сходство внешнего воздействия в каждом из примеров, приобрели индивидуальные очертания. Опыт Германии, где субъектам радикализации не удалось достигнуть необходимого коренного изменения мировоззрения, может стать полезным для Северной и Южной Кореи, продолжающих существовать обособлено по причине успеха радикализационных процессов.

Необходимо также отметить, что анализ радикализации посредством последовательного изучения хода развития противоречий свидетельствует о наличии у этого явления ряда атрибутивных компонентов, одним из которых является индуктивность. Данное свойство определяет способность радикализации к саморегуляции, под которой в нашем случае мы понимаем корректировку методов, подходов, способов и средств радикализации. Кроме того, описываемая нами способность ради-

кализации к саморегуляции позволяет нам утверждать об обратном взаимодействии радикализма и радикализации. Если раньше мы определяли отношение радикализма к радикализации исключительно как идеологической установки к процессу ее реализации, то теперь смеем утверждать также о влиянии радикализации на процесс формирования и корректировки идеологической установки.

Вернемся к примеру Северной и Южной Кореи. В 1945 году начался процесс насильственного разделения оккупированных Японией территорий на два государства – Северную и Южную Корею, оказавшихся под протекторатом СССР и США соответственно. На протяжении всего XX века руководство каждого из государств таким образом работало со своим населением, чтобы единый до этого народ не смог больше существовать в силу коренного изменения мировоззрения, традиций основанного на взаимной вражде к «противнику». Корректировка идеологических установок в процессе радикализации произошла в тот момент, когда корейские территории, разделенные 38-й параллелью, из центра влияния одного из государств-соперников, превратились в идеологических врагов. Начавшаяся в 1950 году Корейская война окончательно изменила мировоззрение единого народа, разделив его на два враждующих государства. По прошествии более пятидесяти лет с момента разделения корейского народа, мы можем сделать первые выводы о конструктивности и деструктивности выбранных идеологических установок и связанных с ними процессов радикализации: в то время как Южная Корея превратилась в экономически стабильное государство, включенное в мировую экономическую систему, Северная Корея существует в качестве государства-изгоя, выключенного из международной системы международных отношений.

Еще одним атрибутивным свойством радикализации является способность к саморазвитию, так как существующие противоречия могут не только являться индикатором протекания процессов радикализации, но и ее импульсом. Мы хотим сказать, что не всегда субъект радикализации является ее инициатором, так как интенция изменений может быть сформирована в процессе радикализации, как «вещь в себе». Характерным

примером служат экономические реформы и в том числе реализуемая сегодня пенсионная реформа. На наш взгляд идея, сформулированная государственными органами законодательной и исполнительной власти, выступающие в качестве субъекта реализации пенсионной реформы, была сформирована не группой экспертов в области экономики, но была ими распознана среди ряда сформированных в ходе анализа потребностей экономической системы государства. Мы хотим обратить внимание на сложность радикализации, заключающуюся в непрерывном взаимодействии субъекта процесса и естественных реакций, которые в равной степени отвечают за корректировку идеологических установок и формирование новых. Так, пенсионная реформа, предложенная Государственной Думой, образовала социально-политическое противоречие, в рамках которого государственные и общественные институты искали компромиссных вариантов. Реакция президента РФ в данном случае может быть рассмотрена как естественная реакция политической системы государства, так и процесс корректировки идеологической установки в рамках радикализации.

Описанные нами частные случаи радикализации позволяют сделать первые выводы о характерных особенностях ее структуры. При рассмотрении первой стадии радикализации, *инициирующего*, следует обратить внимание на то, что не всегда именно субъект отвечает за начало процессов радикализации. В приведенных нами примерах мы видим, что для экономической системы в равной степени характерно и *саморазвитие*, предполагающее *самоинициацию*, в качестве первого этапа процесса радикализации. Основу второго этапа, на котором мы можем сделать первые выводы о развитии радикализации, отследить тенденции с этим связанные, а также осуществить планирование и прогнозирование, составляет анализ сформированных и развивающихся противоречий. Развитие противоречий составляет основу радикализации, так как на этой стадии мы можем отследить процесс изменения объекта нашего исследования. Качественное изменение, как свершившийся факт, является финальным этапом радикализации, на котором мы получаем возможность провести полный и глубокий анализ изменений с последующими выводами об их деструктивном и конструктивном влиянии

на объект.

Существующие социально-политические противоречия могут быть также использованы и для исследования ретроспективы радикализации, к которой мы относим как совокупность методов, способов, средств и приемов, так и субъекты, объекты, формы и стадии.

Субъектами радикализации могут выступать внутренние и внешние акторы воздействия. К внутренним мы относим органы власти и оппозицию. Органы власти, выступая инициатором радикальных изменений, стремятся произвести качественные и прогрессивные преобразования, путем проведения новых реформ (например, «радикализм решительных реформаторов конструктивного толка» [5, с.9]) или использовать потенциал радикализации для разрешения кризисных ситуаций и корректировки политического курса. Оппозиция может выступать в качестве индикатора дискомфорта социально-политической среды, являться центром влияния на формирование решений политической системы, тем самым способствуя формированию сбалансированного политического курса. В то же время наличие в рядах оппозиции сторонников альтернативной политической идеи, которые при выборе своей политической позиции опираются на идеологические установки государственных соперников, представляет угрозу безопасности государства, т.к. их активная политическая деятельность нацелена на дестабилизацию как политической системы в целом, так и отдельных политических институтов. События 11 декабря 2010 года на Манежной площади являются примером успешной деятельности представителей *пятой колонны*, которые использовали для разжигания этнической ненависти получившее общественный резонанс расследование убийства российского болельщика выходцами из Кавказа. К участию в протестах были привлечены представители радикальных молодежных групп, в том числе активисты Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ), которое впоследствии было признано экстремистским.

Категория внешних акторов воздействия представлена государствами-соперниками, которые преследуют цель коренного изменения мировоззренческих основ «общества-мишени» и формиро-

вания альтернативной системы ценностей путем разрыва с существующей традицией. Мы отмечаем, что инициатором радикализации общества могут выступать не только правительственные структуры, но и частные организации, связанные с государственными структурами управления. Главы государств и другие официальные лица активно используют площадки международных организаций, форумов и конференций для создания негативного образа государств-соперников, создавая, таким образом, фундамент для будущих политических решений, которые могут повлиять на внешнеполитический курс объекта воздействия. Кроме того, частные организации, функционирующие на средства государственных инвестиционных программ «по продвижению демократических ценностей», а также средства массовой информации, находящиеся в сфере влияния государств – инициаторов процессов радикализации, являются субъектами опосредованного воздействия на «общество-мишень».

Радикализация может осуществляться в двух формах: ненасильственным и насильственным путем. Секретная служба Нидерландов определяет ненасильственную радикализацию как «активное стремление и/или поддержку обширных изменений в обществе с использованием антидемократических форм воздействия, которые могут стать угрозой существования демократического режима и гражданского общества» [9, с.4]. Примером этой формы радикализации является разработанная Махатмой Ганди доктрина ненасилия Сатьяграха, представлявшая собой совокупность методов и способов борьбы против английских колонизаторов. В основе этого сопротивления лежали принципы гражданского неповиновения несправедливым законам и отказ о сотрудничества с представителями правящей английской элиты. Что касается насильственной формы радикализации, то Датская секретная служба предлагает следующее определение: «это процессы, в ходе которых, индивид прибегает к антидемократическим и даже жестоким формам воздействия, в том числе террористическим, для достижения цели, которая определяется его идеологическими или политическими взглядами» [9, с.4]. Примером ее проявления мы можем считать движение Иттифада, основной целью которого было создание на территории

Израиля арабского государства. Участники движения использовали открыто экстремистские и террористические методы для борьбы с израильскими военными.

Радикализация является инструментом качественного изменения политической ситуации в государстве, а также всех сфер социальной жизни, создания необходимого фундамента для дальнейших глубинных трансформаций общественного сознания. Современные методы могут согласованно и одновременно применяться в различных сферах общественной жизни, указывая вектор развития недовольства против принятых в российском обществе норм и устоев. Выявление механизмов реализации характерных для альтернативной системы ценностей идеологических установок, а также разработка адекватных методов сдерживания и противодействия являются основной задачей, которая стоит перед системой обеспечения государственной безопасности.

Список литературы

1. Воронина Е.Ю. Политический радикализм как объект политического анализа: дисс... канд. полит. наук. – М., 2013. – 183 с.
2. Грязнова Ю. Г. Конфликтогенность межпоколенного взаимодействия в культуре современного российского общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – №2. – С. 42–47.
3. Иванова В.И., Киняшева Ю.Б. Конструктивный потенциал политических конфликтов в современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2015. – №1. – С. 66–72.
4. Лопушанский И.Н. Радикализм и экстремизм как основания терроризма и террора // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – С. 47–50.
5. Рязанов Д.С. Идея свободы в современном политическом радикализме: дисс... канд. философ. наук. Махачкала, 2006. – 176 с.
6. Bartlett, J., Birdwell, J. & King, M. The Edge of Violence // London: Demos, 2010. – 256 p.
7. Carola García-Calvo, Fernando Reinares Procesos de radicalización violenta y terrorismo

yihadista en España: ¿cuándo? ¿dónde? ¿cómo? // Madrid: Fundación Real instituto Elcano, 2013. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/dt16-2013-reinares-gciacalvo-radicalizacion-terrorismo-yihadista-espana (дата обращения: 06.09.2018).

8. Githens-Mazer J. Rethinking the Causal

Concept of Islamic radicalisation // Committee on Concepts and Methods Working Paper Series. – 2010. – № 42. – 32 p.

9. Gustafson D. L. White on whiteness: becoming radicalized about race // Nursing Inquiry. – 2007. – № 14(2). – 153 p.

10. Veldhuis T., Staun J. Islamist Radicalisation: A Root Cause Model // The Hague: Clingendael, 2009 – 93 p.

Статья поступила в редакцию 8 сентября 2018 г.

Принята к публикации 18 октября 2018 г.